

Всеволод Алферов

МГЛА
НАД
МИРОМ

Москва
«Снежный Ком»
2019

Серия «Волшебные миры» основана в 2017 году
Ведущий редактор *Глеб Гусаков*
Дизайн серии *Макс Олин*

А53 **Алферов, Всеволод**
Мгла над миром: роман / Всеволод Алферов. — М. : «Снежный Ком М», 2019. — 384 с. — (Волшебные миры).

ISBN 978-5-6041334-3-9

Древнее царство давно пережило расцвет, но еще почитает иноземцев варварами. Здесь смеются над малыми народами, а Царя Царей зовут владыкой мира — но как чумы боятся колдовства. Долгие годы чародеи провели в заточении, не смея покинуть обители. Однако всему есть предел. Один из магов совершает убийство — и тщетно пытается скрыть следы. Последователи святого дервиша, которого замучили маги древности, вот-вот развяжут войну. А меж тем Царей Царей стар и болен, а вельможи сцепились в схватке за престол..

Встречайте вторую книгу «Анхарского цикла» Всеволода Алферова, написанную в лучших традициях классического фэнтези!

УДК 82-32
ББК 84(Рос-Рус)6

ISBN 978-5-6041334-3-9

© Алферов В., 2019
© Внутренние иллюстрации, Дербенева А., 2019
© Форзац и нахзац, Брагин Д., 2019
© «Снежный Ком М»
(ИП Штепин Д.В.), 2019
© Оформление. Олин М., 2019

НЕЧТО
МЕРТВОЕ

Ненависть — нечто мертвое.
Кто из вас хотел бы стать склепом?
Джебран Халиль Джебран

К суду и казни его вывели минута в минуту. Гонг в храме владыки времени как раз заговорил, возвещая полдень, когда пленника вытолкнули навстречу солнцу — и смерти. «Могли бы и припоздать с судилищем», — подумал Аджит.

День выдался ясным и звонким, как всегда бывает после сезона дождей. В Священном Круге, где обитель вершит правосудие и провожает на костер усопших, собрались две или три дюжины зевак. Некоторые скучали, иные прятали взгляд, прочие же смотрели с неприкрытой ненавистью. Поначалу чародей оглядывался, интересуясь, кто как себя ведет. Не каждому дано увидеть свой последний час. Впрочем, он быстро потерял интерес и к этому.

Над столичной обителью бесновалась стая воронья. Их пронзительный гомон мешался с гулом большого города — со своего места маг едва слышал приговор. Судья прилежно раскрывал рот, вот только вместо слов до чародея долетал лишь вороний грай.

«Могло быть хуже, — сказал себе Аджит. — Могло быть куда хуже... Выпрямись! Магу не пристало встречать испытания вот так».

И чародей расправил плечи и улыбнулся.

* * *

Одиночество...

Волны ветра

в полынной горечи степных трав.

Каллиграфическая кисть скользила по бумаге легко и привычно. Аджит на мгновение задумался и приписал снизу:

Здравствуй, подруга-тоска...

Петелька в слове «тоска» получилась слишком жирной. Придворные каллиграфы, пишущие так, что в вязи букв проглядывали львы и лебеди, антилопы и горные бараны, — изругали бы Аджита в пух и прах. Пусть их. Ему не нравилось новое поветрие: не то писать, не то рисовать. Должно быть, до восстания узурпатор был последним деревенщиной, раз его придворные выводят стихи в картинках.

Аджит поморщился и отложил кисть.

«Дыхание Бездны! О чем я думаю? Как будто, это двор виноват, что я жду и битый час пытаюсь унять дрожь в руках!»

За окном закат раскрасил белый камень стен в два цвета: старой позолоты и темной крови. Бронзовый гонг в храме Атáмы возвещал восьмой час, и чайки в гавани вторили ему резкими криками.

«Он обещал, что освободится к восьмому звону... Интересно, как там предыдущая встреча? В каком он настроении? Зол или добродушен?»

Поймав себя на малодушном гадании, чародей разозлился еще больше. «Какая разница, если он знает, зачем я просил меня принять? Я не видел сестру пять лун. Он не должен, не может мне отказать!»

Ждать осталось ползвона, от силы. Чародей встал из-за стола и прошелся по комнате. Остановился перед потемневшим серебряным зеркалом, в который раз проверяя, достоин ли выглядит. Но, как ни прихорашивайся, худое усталое лицо не станет менее худым и усталым, а непослушные темные волосы — менее своенравными. Маг забрал их в хвост и связал черной лентой.

Недовольный тем, что увидел в зеркале, Аджит вернулся за стол. Обмакнул кисть в баночку с тушью и закончил стихотворение:

...впрочем, ты всегда молчишь мне в ответ.

Покои Газвана сар-Махда, Первого-в-Круге и Верховного мага, располагались в самой старой части обители. За сотни лет обитель чародеев расширяли и перестраивали, большей мешанины стилей было не сыскать во всей столице. А уж по числу безвкусных и аляповатых зданий та, несомненно, дала бы фору любому городу в Царстве.

Первые постройки Круга возвели сразу после Завоевания — сложенные из гладкого белого камня, они были простыми и надежными, как клинок наемника. Потом, когда обители начали открывать по всей стране, красота уже никого не заботила. Квадратные кирпичные башни не отличались от тех, что торчали в порту или вгрызались в Старый город со стороны Дороги Царей... На Южный базар столичная крепость Круга смотрела резными ликами, на Храмовый остров — увитой плющом мраморной стеной, а на колоннаду Пяти Царей — и вовсе ажурными башенками, покрытыми каменным кружевом.

Попав сюда еще ребенком, Аджит в первый же день заблудился. Сейчас он опасался лишь встречи с братьями, которым пришлось бы объяснять, зачем он так спешит к Верховному.

Двойные створки с резьбой... зачем резьба там, где никто не задержится, чтобы поглазеть? Аджит постучался, хотя и знал: Верховный почуял его приближение, еще пока молодой маг взбирался по лестнице.

Внутри было пусто и аскетично — как и всегда. Как если бы Первый-в-Круге только вселился в покои и подводы с мебелью, коврами и утварью ожидали разгрузки.

— Как всегда, пылкий и недовольный, — не отрываясь от бумаг, проворчал Верховный. — Подожди немного. Садись.

Он неопределенно махнул рукой. Очень некстати: колдовской огонек выхватывал лишь тяжелый стол и старого мага, прочая мебель словно попряталась в тених по углам. Наконец глава Круга поднял взгляд на посетителя.

— Ну что... — Его тон не сулил ничего хорошего. — Не стану спрашивать, зачем ты пришел. И не стану врать, что

рад. Для начала мне нужно знать, что это в самом деле безопасно.

— Раид завтра уедет в провинцию, мудрый! — взволнованно начал маг. — К двоюродному брату. Говорят, тот тяжело болен. Он заберет большую часть челяди, сестра и племянник останутся с горстью слуг. Будет легко передать весть и встретиться с ними. Никто не заметит!

Верховный усмехнулся. На его неправильном, подходящем скорей наемнику, чем чародею, лице ухмылка получилась жесткой, если не жестокой.

— Вот меня всегда забавляло: ты что, следишь за ней? Как выгадываешь дни, чтобы пообщаться с семьей?

— Не совсем. Я просто... я проверяю, как живет сестра. Иногда расспрашиваю о жизни двора.

— Хвала богам, что «не совсем», — фыркнул Газван. — Иначе прибежал бы раз в неделю.

Аджит пропустил замечание мимо ушей. Он был в Круге восемнадцать лет, и если Верховный хорошо изучил бывшего ученика, то и Аджит неплохо знал Верховного. Крепко сбитый, грубоватый, даже слишком хорошо сохранившийся для шестого десятка, он казался вышедшим на покой солдатом. Должно быть, потому он и нашел общий язык с Царем Царей. Однако за непроницаемым лицом скрывался непростой человек. Все же в первую очередь человек, а уж затем — Первый-в-Круге.

— Вот что, мальчик... — Верховный побарабанил по столу пальцами. — Мне эта история не нравится. Я понимаю, ты хочешь сохранить связь с семьей... Понимаю, твой зять из этих, из ревнителй. Ну, которые ненавидят магов... Но ты уж придумай что-нибудь, чтобы не прибегать каждый раз, как понадобится запрещенная магия. В конце концов! Если Раид ублюдок и выбросит твою сестру на улицу, как узнает, что у нее есть брат... за каким бесом он ей вообще дался?

Чародей вздохнул.

— Раид не ублюдок, — досадливо пояснил Аджит. — Он любит Илáй и Сахíра. Просто он... ревнитель. Это вы верно говорите.

— Значит, придумай что другое, без запрещенных чар! — повысил голос Газван. — Развели придворную игру на пустом месте! Вы еще наймите шпионов и травите свидетелей. — Маг покачал головой. — Мне надоело покрывать тебя перед Кругом.

— Но я сполна расплатился за...

— О да, мне не в чем тебя винить, — перебил молодого чародея Верховный. — Но дело, видишь ли, не в торговле. Каждый раз, как я даю тебе фальшивые и сверхважные поручения, я подставляю себя. Подставляю Круг. Если это сборище крикунов лишится меня, Царь Царей скормит вас всех собакам. В этой стране нас не очень-то любят, не забыл?

— Мы пытались, мудрый... — начал Аджит, но Газван снова не дал ему договорить:

— Бездна, значит, пытайтесь еще! Ты пробираешься к ней, как вор. Хочешь, чтобы твой зять подумал, будто в его постели гостит другой?

В кабинете повисла такая тишина, что было слышно ровное шипение колдовского огня — и грай священных ворон в храме Джахата за каналом. Наконец Первый-в-Круге заключил:

— Это последний раз, когда я играю в твои игры. Думай.

Старый маг вперил в Аджита тяжелый взгляд, словно ожидая незамедлительного ответа. Молодые вельможи, которые поддерживали узурпатора и кричали, что маги — бесовское отродье и теперь-то Царь Царей с ними покончит, быстро скисали под этим взглядом. Да что там, даже узурпатор чувствовал себя неуютно, иначе посадил бы в столичной обители своего человека, насадив голову Газвана на пику.

Под этим взглядом спорить было бессмысленно. Под ним и сидеть-то было бессмысленно, раздражая Верховного лишние мгновения.

— Я подумаю, — кивнул Аджит, поднимаясь со стула. — Благодарю... за помощь. Пусть ваш день будет счастливым, мудрый!

Он постарался, чтобы ритуальная фраза не звучала, как проклятие.

Их разлучили, когда Аджиту было десять, а сестра аккурат отпраздновала двенадцатое лето. Все началось с того, что мальчик разозлился на Илайю и сжег игрушку, из-за которой они повздорили. Оглядываясь назад, чародей понимал: хорошо, что не досталось ей самой! Мальчик попросту не знал, насколько опасен — и даже хорошо, что не знал, иначе ужас вызвал бы еще больший выброс силы.

В те годы в Царстве правили маги, но не любили их и тогда. Жрецы посматривали на чародеев с неодобрением, а бродячие проповедники все поминали, как маги древности скормили святого мученика не то собакам, не то волкам... никто толком не мог сказать, кому именно. Но потом война на востоке принесла восстание, а следом пришли засуха и голод, и тогда эту историю уже слышали все. А главное — глухо ворчали о чародее, который в ту пору носил золотую маску Царя Царей.

Впрочем, все это произошло, когда Аджит уже учился в Круге. А когда им было лишь десять и двенадцать, Аджит с Илайей знали только то, что говорил отец: колдуны искажают замысел богов и противны небесам, ложатся с духами царства теней и вообще — до Завоевания мир был честнее и чище, виной же порче, известно, маги.

Неудивительно, что проклятые головешки они зарыли в саду, а отец так ничего и не узнал. Однако чем дальше, тем сложнее становилось: вокруг Аджита вспыхивали и прогорали свечи, одежда на нем тлела, стоило ему разволноваться, а один раз Илайе пришлось сделать вид, что она опрокинула в постель жаровню... Скрывать все до бесконечности Аджит не мог даже с помощью сестры. Настал день, когда правда всплыла, и той же ночью отец привел незнакомого старика и велел забирать сына, и чтобы к утру не осталось духу «проклятого ублюдка».

Мальчик смутно помнил расставание. Кажется, Илайя плакала, а лицо ночного гостя и вовсе стерлось из памяти. Запомнилась крепкая шершавая ладонь и запах сточных канав на пути к обители. В следующий раз чародей увидел

сестру, когда та превратилась в хрупкую изящную девушку. Он узнал, что в ту ночь отец раздобыл труп скончавшегося от хвори мальчика, а наутро тело умащивали смолой кáммы, чтобы отдать последнему костру.

Так Аджит Рахáд выяснил, что давно мертв и десять лет как сидит подле Солнечного Владыки на полях Иáру.

— Вообще-то Сах не такой уж и бойкий. Любит всякие истории, может часами их слушать. Раид нанял одного писаря... он много путешествовал со свитой старого царя. Старики учит Сахира грамоте, языкам и истории.

Они сидели на выходящей в сад террасе. Солнце над столицей подбиралось к зениту, но летняя жара уже навалилась на город, придавив тяжелым влажным брюхом. Над клумбами струился острый аромат пряностей и заморских цветов.

— Хорошо, что мальчика не заставляют махать мечом, — согласился Аджит.

— Не заставляют, — кивнула Илайя. — А вообще он спокойный. Любознательный.

Словно опровергая сказанное, Сахир сновал меж кустов, не обращая внимания на взрослых. Следом за ним, то отставая от мальчишки, то нагоняя его, носился поджарый охотничий пес. Сперва чародей вздрогнул, когда зверюга нагнала племянника и, прыгнув на плечи, повалила наземь. Однако пару мгновений спустя катавшийся по земле клубок со смехом распался.

— Бес в Сахе души не чает, — сказала сестра. — Не бойся, они играют.

Аджит понимал, что им нужно обсудить, как встречаться впредь, — но слова не шли на язык. Их встречи были столь нечасты, что стали подобны редкому и дорогому вину: сколько ни смакуй на языке, чаша закончится скорее раньше, чем позже, оставив лишь бледное воспоминание. Он ценил каждое отпущенное мгновение, не желая тратить их на неприятные разговоры. Быть может, если бы жизнь в обители была не так однообразна, воспоминания об этих встречах

вызывали бы меньше тоски... Кто знает? Чародей вырос в годы, когда магам только и оставалось, что крохотная тюрьма. Он не ведал другой жизни и не мог вообразить, каково это — жить иначе.

— Первый-в-Круге больше не сможет меня покрывать, — наконец выдал чародей.

— О чем это ты?

— Нам придется встречаться реже. В лучшем случае. В худшем... мы еще долго не увидимся. Может, год. Может, несколько лет.

— Почему? — В голосе сестры послышался страх.

— Понимаешь... когда на трон взошел узурпатор, он не мог допустить, чтобы маги подняли мятеж. И вернули все, как было при царях-чародеях. Даже один маг способен наделать бед, а простые люди и не заметят... не заподозрят... Нам нельзя пользоваться опасными чарами. И все бы ничего, но иллюзии, которые нужны, чтобы я сюда приходил, относятся к запретной магии.

— И?

— И Верховный устал меня покрывать, — понуро заключил Аджит. — Он хороший человек, входит в мое положение, но и его нужно понять. Он выгораживает тысячи людей по всему Царству и..

— Первый-в-Круге? Проникся заботой? — Илайя прищурилась. — И сколько еще таких... в чье положение он входит?

Аджит усмехнулся. Да, брак с придворным напрочь лишил ее иллюзий.

— Разумеется, не бесплатно, — пояснил он. — Я... понимаешь, я не самый последний маг, Верховному частенько нужна моя помощь. Там, где он сам бессилён. К нему прикованы сотни глаз. Ему нужны люди, у которых развязаны руки. Но которые полностью от него зависят.

— Чудесно!

Илайя нахмурилась, встала из кресла и зашагала по террасе из угла в угол.

— Только не говори, что ради нас ввязался в грязные дела!

Она бросила на него обвиняющий взгляд, чародей же постарался улыбнуться. Илайя пробормотала нечто, что пришло больше купеческой дочке, а не придворной даме, — и отвернулась.

Перемены в ней оказались неожиданными для Аджита. Куда делась мать, жизнь которой заключена в сыне и муже? Сестра была немного забавной: маленькая, хрупкая, совсем еще юная — но такая серьезная. Чародею подумалось, что высокородный зять нашел в Илайе не только хозяйку, но и единомышленника.

Перехватив его взгляд, сестра состроила гримасу.

— Вот что, — заговорила она. — Подробности рассказывать долго. Пока что встречи буду устраивать я. Я всегда могу отправиться в поездку и заранее сообщить тебе. Я хозяйка в своем доме, мне ни с кем не нужно объясняться. Наверное, так следовало поступить с самого начала.

— И как ты будешь передавать вести? Принесешь письмо к дверям обители?

— Оставь это мне, — отрезала Илайя. — Заведу знакомство с магами. Раид оценит, ему всегда хотелось лучше узнать врага.

— Ты уверена?

— Более чем. Не впервой.

— Бесовски повезло ему, что нашел не томную даму, а тебя!

— Его родители не были так уверены. Два года не решались познакомиться с дочерью купца, — сестра усмехнулась. — Ладно, все в прошлом... Они сидят бок о бок с Солнечным Владыкой и морщатся, глядя на меня с небес. Тебе, наверное, пора?

— Сперва нужно поговорить с Сахиром, — напомнил чародей.

— Я никогда этого не понимала! Зачем Саху тебя видеть, если он все равно ничего не вспомнит?

Аджит вздохнул.

— Я ведь объяснял. Наше сознание... состоит как бы из слоев. Он все помнит, просто... не на поверхности. Да, это лучшее сравнение, что мне приходит на ум.

— Делай, что считаешь нужным, — отмахнулась сестра.

Первым на голос чародея откликнулся, конечно, Бес. Племянник вконец измучил пса, так что тот тяжело дышал, но выглядел довольным. Следом появился и сам мальчик. Аджит присел на корточки, из-под неровной челки на него взглянули упрямые глаза зятя.

Чародей вдруг ясно, отчетливо понял, что ненавидит Царя Царей.

— Ну как, замотал пса?

— Угу, — невесело протянул ребенок. — Я испачкался. Галий говорит, что нажалуется отцу.

— Старшая нянька, — пояснила сестра. — Хорошая старушка. И очень чопорная.

— Молодой господин не должен бояться нянек. — Маг потрепал племянника по голове. — Ты на них полагаешься, а они тебя одевают и обстирывают. Но ты зависишь от челяди. Учись ухаживать за собой сам и станешь настоящим господином себе и слугам.

— Папа тоже говорит, что я должен все уметь. А то стану как колдуны. Они без чар свечу зажечь не могут, представляешь?

— Твой папа хороший человек. Хотя порой ошибается. Ну... давай. Сейчас мы сделаем тебя еще взрослее!

Привыкший к процедуре, Сахир послушно сел на пол спиной к магу, откинул голову тому на грудь.

— А я... я потом опять ничего не вспомню?

Дядя и мать обменялись взглядами: еще в прошлый раз мальчик не осознавал, что забывает об этих встречах и вспоминает их, лишь вновь увидев Аджита.

— Так надо. — Маг погладил жесткие волосы. — Это ведь ненадолго. Сам видишь, со временем ты все вспомнишь. Ну? Закрывай глаза!

Он положил ладони на голову Сахира. Пара ударов сердца — и мальчик обмяк в его объятиях. Осторожно приподнял

ребенка — «Тяжелый же стал! Быстро растет!» — чародей усадил племянника в кресло.

— Да, Раид воспитывает сына в том духе... что колдуны противны богам и...

— Ничего, — улыбнувшись, чародей положил сестре руку на плечо. — Я другого и не ждал.

— Я делаю, что могу. Но не хочу, чтобы ребенок видел, как мы ссоримся.

— Ничего, — повторил Аджит. — Твой муж хороший человек. Просто... он ошибается.

Илайя хотела сказать что-то еще, но передумала. Жена придворного, бывшая здесь несколько минут назад, вновь исчезла. Осталась лишь невысокая девушка, годы назад прощавшаяся у погребального костра с живым братом.

— Я... пойду?

Она кивнула. Отвернулась. Ее всегда немного мутило, когда Аджит вдруг становился невидимым.

Прежде чем окунуться в путаницу улиц Старого города, чародей вдохнул запахи ставшего родным особняка. Чужой дом пах пряностями и заморскими цветами.

Чародей застал воцарение Азаса Черного уже учеником. В те годы он еще не видел большого мира, и все, что знал о нем, — были страшные истории о резне магов, которая вспыхивала то здесь, то там. Каждый вечер приносил новые дурные вести. И новые страхи.

Боялись все. Истории пересказывались вечерами, в полутемных гостиных, и казалось, что мир за стенами обители сошел с ума. Помнится, Аджит считал дни и гадал, сколько времени пройдет, прежде чем война ворвется сюда, разрушив главный и самый крепкий бастион Круга.

— Ерунда! — отрезал Газван, услышав опасения ученика. Тогда он не был Верховным, и говорил еще резче, чем сейчас.

— Разве простые смертные не ненавидят магов? — пылко переспросил Аджит. — Да все об этом говорят! Мы

отличаемся от них, у нас... есть сила. Люди ненавидят всех, кто от них отличается...

Юноша осекся, потому что его наставник фыркнул.

— На твоём месте я бы вспомнил старую присказку: мол, слово «маг» исходит от древнего *иль магáр*, что означает «величие» и «господство».

Аджит, не раз слышавший ее из уст наставников, посмотрел на Газвана с недоумением, что только разозлило учителя.

— Вот и догосподствовались, — заключил тот. — До восстановления догосподствовались!

Видя, что ученик не понимает, Газван снизошел до объяснения.

— Да, то, что ты говоришь, тоже есть. Но толпа ненавидит не магов вовсе, а господ. А те, кто толпой руководит, — ненавидят тех, кто стоял выше них. То есть тоже господ, только уже повыше рангом. Но не магов. И, в общем, это наша вина, что для них это одно и то же. Но господа меняются, а новым тоже понадобятся маги. Хотя бы чтобы защищаться от соседей. Когда восставшие наденут на кого-нибудь золотую маску и вспомнят, что у Царства есть не только трон, но и границы.

— По-вашему, магам ничего не угрожает?

— Конечно угрожает, олух ты купеческий! И будет угрожать и через год, и через десять лет. Мы будем служить новому Царю Царей уже при новых порядках. Все, кто выживет, ясное дело.

Вышло точно так, как и предсказывал Газван. Прошли годы, и ужасы войны остались в прошлом. Десять лет назад Аджит не мог подумать, что окажется в столичном Районе Садов — дворцовом квартале, чьи стены казались неприступными простым горожанам по ту сторону канала.

Все пространство между спокойными водами Ладжáн, каналом и морем было одним огромным парком, однако большую его часть занимал дворец. Сквозь частокол кипарисов виднелись лишь белые стены и блестящие на солнце купола. Чуть дальше возвышалась квадратная Башня

Справедливости: единственная постройка, которую можно разглядеть из города. Аджит читал, что она выходит на главный дворцовый двор и именно там находятся рабочие покои Царя Царей.

«Что он там видит, из окон своих палат?» — подумал маг и решил, что не так уж много. Видел бы больше — все в Царстве, может быть, сложилось иначе.

— Господин ждет, — напомнил провожатый, поторапливая чародея.

Сразу от ворот они свернули на выложенную цветастой плиткой дорожку, что виляла меж кедрами и подстриженными кустами роз. Пожалуй, главное, что отличало Район Садов — это тишина. Городской шум не проникал через толстые стены и, словно не решаясь потревожить здешний покой, слуга говорил негромко:

— Лекари сделали все необходимое, подлинное исцеление вряд ли понадобится. Но достойный Мауз очень слаб и решил довериться чародеям.

— Верховный говорил, советник идет на поправку.

— Вот это вам нужно будет проверить, — с непонятной интонацией произнес слуга.

— Что вы имеете в виду?

— У советника... есть подозрения. Дстойный выбирает лучших лекарей, но всегда остается опасность.

Слуга натужно подбирал слова, но Аджит уже понял, что чародеи понадобились как нейтральная сила, не вовлеченная в дворцовые интриги. Что ж, он был магом-целителем и неплохим, Аджит сталкивался со всяким. Могло быть хуже: будь у него особая связь с камнем — надрывался бы с собраниями на строительстве каналов и дорог.

— Вот и пришли...

Слуга ускорил шаг, Аджиту оставалось лишь поспешить следом.

Советник Золотого двора обитал в роскошной резиденции в дворцовом квартале, Золотой палате. Только внутри чародей осознал, насколько все плохо. Бывает, войдешь

в чужой дом — и сразу понимаешь, что он словно бы перевернулся: слуги спуют без цели, все огрызаются, и обстановка страха... маг ощущал ее кожей. В самом что ни на есть буквальном смысле.

Еще хуже оказалось в самих покоях. Аджит не был бы хорошим целителем, если бы не ощущал чувства людей с особой остротой. Смерть и страх, царящие в комнате, были густыми, как вонь портовых закоулков.

— Раздвиньте занавеси, — резко приказал он.

Слуги засуетились, убирая расписные ширмы и раздергивая драпировки, впустив в комнату соленый запах моря и крики чаек.

Аджит никогда прежде не видел Мауза иль-Нехата, смотрителя казны, но подозревал, что тот был полным человеком с лоснящимся от довольства и хорошего питания лицом. Сейчас среди атласных покрывал лежал старик, сгоравший — и уже почти сгоревший — изнутри. Он был в сознании, и когда чародей присел на край кровати, попытался заговорить. На исхудалом лице осталось слишком много кожи: она пришла в движение, как диковинная маска, но голоса маг так и не расслышал.

— Лучше помолчите. Не тратьте силы, — проговорил Аджит.

— Ему стало хуже аккурат как вы отправились за колдуном, — говорил слуга за спиной у мага.

— ...послал за лекарем? — кажется, голос провожатого.

— Ползвона назад. Мы..

— Тихо! — прикрикнул чародей. — Мне нужна тишина. Я уйду в себя, чтобы найти болезнь и вывести ее из тела. Сколько бы лекарей ни заявили, пусть помалкивают и не мешают. Мне потребуется... — он умолк, прикидывая время, — не больше звона.

— За звон он может оказаться при смерти, — тихо произнес проводник: похоже, секретарь, а не обычный челядинец.

— Ваши лекари корпели дни напролет, — отрезал Аджит. — Если вы не выделите хотя бы звона, зачем вообще звать целителя?

Взгляд секретаря обжег Аджита холодом.

— Сейчас не время артачиться, колдун!

— Хорошо. — Чародей встал. — Передайте лекарям мои лучшие пожелания! — и, пока секретарь не успел опомниться, шагнул к нему вплотную. — В нашем положении есть одно достоинство: мы не боимся ни Золотого, ни Бумажного двора. Круг пал так низко, что хуже только новая резня. Вряд ли тебе это под силу. Особенно, если твой господин умрет, а новый советник вышвырнет тебя отсюда, едва переступит порог. Дай мне звон. После — делай, что считаешь нужным.

Нужно отдать должное, секретарь колебался всего-то пару ударов сердца.

— Убери всех слуг, — приказал он напарнику. — Держи лекарей за дверью и пусть попробуют поднять голос! Если я их услышу...

Аджит так и не узнал, чем закончится для лекарей излишний шум. Вновь присев на край постели, он принял позу поудобнее, положил руку на грудь советника. Вдох, выдох — и он уже не слышал, что творилось вокруг.

Проникновение в разум больного похоже на путешествие по лабиринту алых туннелей. Вернее — так это виделось Аджиту. Изнанка мира лишена цвета и звука, магов учат придавать ей облик, чтобы не сойти с ума в пронизанной потоками силы пустоте. Чародей с детства любил медицину и знал, как выглядят кровеносные сосуды. Потоки силы в теле он представлял себе примерно так же.

Болезнь спутала эти потоки, отыскать ее не составило большого труда. Это было похоже на... пещеру, в которой струи красноватого света смешались, потускнели и переплелись в клубок, пульсирующий в такт ударам сердца. Труднее было этот узел расплести — да так, чтобы не повредить ни единой нити.

Чародей знал, что снаружи время течет быстрее, чем на Изнанке. Он торопился, но, с чего ни брался за переплетение, каждый раз отступал. Еще раз. Который по счету? Пятый... Да, пятый! Теперь он прислушивался к ощущениям

с особым тщанием. Но как ни вел нить, виток за витком разматывая ее, та вновь ускользнула. Клубок как будто сопротивлялся. Жил своей жизнью — так, словно... что-то сдерживало его.

Проклятье!

Конечно. У советника были враги, и Аджит мог бы догадаться раньше. Сосредоточившись, чародей нырнул еще глубже, полностью отдавшись ощущениям. И впрямь: клубок опутывала тонкая, почти невидимая паутина силы. Чужие чары? Нет, колдовской яд. Просто яд, действующий так тонко, что даже маг не сразу разглядит.

Выбросив из головы саму мысль об утекающем времени, он рвал нити одну за другой. Он вбирал яд в себя самого, чтобы вывести из тела больного и выбросить прочь. С каждой впитанной каплей маг слабел, но продолжал работать, положившись на привычку. Мысли его начали мутиться. Он не знал, что это было за вещество... насколько оно ядовито, насколько опасны чары? Нужно вывести все, до капли... Нельзя рисковать.

Вроде еще что-то оставалось там...

Последнее, что он запомнил, — как вывалился в тварный мир, дрожа и в холодном поту. Потом его вырвало.

Аджит пришел в себя от влаги, ударившей ему в лицо. Один раз, второй... Маг чихнул и мотнул головой. Секретарь советника стоял над ним, держа наготове кувшин и чашу и, похоже, собираясь повторить процедуру.

— Что это было? — спросил он. — Ему стало лучше, потом ты начал бледнеть, дрожать и упал в обморок. Все... все в порядке?

Теперь, когда худшее осталось позади, в его голосе прибавилось теплоты.

— Колдовской яд. — Аджиту пришлось повторить, с первого раза голос вырвался из горла хриплым карканьем. Чародей попробовал встать, но охнул и остался на полу. — Меня вырвало. Убирайте осторожно. Не знаю, как он действует... Может, через кожу.

Слова давались с трудом, и маг закрыл глаза, не желая смотреть, как бешено вращается вокруг него покой.

— Ну, думаю, тогда мы оба трупы, — хохотнул секретарь. — Ты упал лицом в свою блевотину, а я оттащил тебя и еще оттирал.

Он вновь склонился над господином и, кажется, остался доволен увиденным.

— Спит, — возвестил он. — Но так, знаешь... спокойней, чем раньше. Не как в последние дни.

— Я... посмотрю...

— Сиди уж. Я передам Верховному, что ты выдохся и тебе нужен отдых. Заодно денек присмотришь за достойным господином. А мне... похоже, у меня прибавилось дел, — заключил секретарь.

Он взял с постели подушку и бросил магу.

— Устраивайся, пока не принесут кушетку.

Аджит выдавил из себя благодарность и сунул подушку под плечи, блуждая взглядом по комнате. Морской бриз колыхал тонкие газовые занавеси. Вокруг кровати суетился секретарь. Песочные часы крупинка за крупинкой отмеряли время — из отпущенного ему звона прошла едва ли половина.

Был перелом лета и осени: один из дней, когда жара спадает, но на улице еще тепло, а по ночам ветер с моря завывает в колоннаде Пяти Царей, как стая бродячих псов. Прямо под окнами Аджита городские поливальщики разбрызгивали воду, чтобы ветер не нес уличную пыль в дома добропорядочных горожан. Чуть дальше южный базар, не стихавший ни днем ни ночью, загорелся кольцами факелов, а Сердце Атамы — огромный бронзовый гонг под куполом храма времени — ныл и стонал, скорбя о кончине еще одного дня.

Джаміла спала. Тонкое покрывало из некрашеного хлопка сбилось к ее ногам. В тусклом свете масляной плошки бедра чародейки казались смуглыми до темноты... нет — выточеными из орехового дерева.

Так непривычно было смотреть на линию спины, на разлегшиеся по загорелой коже тени — и понимать, что тебе с этим жить, вместо того, чтобы видеть лишь будоражащие кровь изгибы. Полумрак скрывал недостатки, но Аджит знал: они все там, стоит лишь получше всмотреться. Ему было все равно.

Он слышал тихое дыхание. Угадывал в полутьме знакомые родинки — там, где они должны быть.

Лечь бы рядом, обнять сзади, почувствовать ладонью мягкость ее груди... Подавив возбуждение, целитель отошел к окну, вслушиваясь в эхо отзвонившего гонга.

Из-за Сердца Атамы или нескромных мыслей — но чародей не слышал стука, пока в дверь не замолотили кулаками.

— Иду. Иду уже! — Аджит набросил на голое тело и наспех застегнул чародейскую кобву.

— Кто там? — сонно спросила Джамила и перевернулась на спину.

— Сейчас узнаем...

Гость оказался посыльным, зато в кафтане с золотой каймой. За последние месяцы Аджит вдоволь насмотрелся на прислужников Золотого двора, так что не удивился. И все же... все же Золотой двор имел дела с Верховным, а не отдельными магами, видеть посланца на своем пороге было необычно.

— Письмо от советника. Сказано доставить и ждать.

Аджит хмыкнул. Конечно, Круг не отрезан от мира. Маги рождаются и у золотарей, и в семьях вельмож, у многих чародеев в городе жили родственники. Но почта всегда доставлялась Верховному или ищейкам Царя Царей при Круге.

Кроме самой высокой и самой важной.

— Я прочту и скажу, будет ли ответ.

— Мне сказали ждать здесь. — Посыльный попытался вступить в комнату, но Аджит преградил ему дорогу.

— Вот и славно. Подождать можно в коридоре.

И, пока тот не успел опомниться, чародей захлопнул дверь перед носом гонца.

— Что там? — Джамила села на смятых простынях, каштановые кудри рассыпались по плечам и груди. — Опять твоя сестра?

— Советник, — поморщился Аджит. — Чего-то хочет.

Он отошел к окну не только ради света. Если что и было причиной их беспрестанных ссор, то Илайя.

И не ошибся: послание было кратким, написанным в спешке и нервным. «Гостим в доме советника, — писала после приветствий сестра. — Нужно увидеться. Это очень важно и очень срочно! Если ты занят — брось все дела. Скажи, что тебя требует советник и доверяет одному тебе». Там было еще несколько строк, Аджит пробежал их взглядом, почти не видя.

— Срочно требует к себе, — сухо процитировал маг. — Я не знаю, в чем дело.

— Я столько раз говорила, я слышу, когда ты лжешь, — вздохнула Джамила. — А ты никак не привыкнешь, что спишь с чародейкой.

— Куда ты?

Его самообладание испарилось, стоило колдунье начать одеваться.

— К себе, — просто ответила Джамила. — Ты ведь уходишь? Кто бы там тебя не звал.

Она говорила правильно — как всегда, — а ему и в самом деле нужно было собраться. Но на душе скреблись кошки. Аджит молча смотрел, как одна за другой сходятся застёжки ее коввы. Дыхание Бездны, как это не ко времени!

Нужно с тобой увидеться.. Очень важно и очень срочно..

Поцелуй был совсем коротким — и вот уже чародейка выскользнула в коридор. Гонец встрепенулся было, но Аджит взглядом заставил его заткнуться.

— Подожди еще, — бросил маг. — Мне нужно переодеться.

В ночи Район Садов был еще красивее, чем с утра. Огни усыпали стены царского дворца, листва же казалась изумрудной в свете ламп и факелов. Здесь пели неизвестные ночные птицы и стрекотали сверчки, в отдалении звучали цимбалы

и тамбурины, от скрытого в глубинах парка пруда доносились кваканье лягушек.

На сей раз его провели не в покои, а во внутренний двор Золотой палаты, выходящий к краю Района Садов. Было темно, лишь пара ламп выхватывала из ночи ветви лимонных деревьев да атели в пятнах неверного света цветы. И все же он сразу понял, что здесь нет ни советника, ни секретаря. Только Илайя.

— Быстро же ты..

Чародей не понял, укоряет она его или в самом деле рада видеть.

— Что случилось? У тебя все хорошо?

— У меня да. Наверное... Дело в Сахе, — сестра помолчала пару мгновений и закончила: — Он сжег кровать в своей комнате.

— Боги! — выдохнул маг. Было ясно, что речь не об опасной и оттого еще более увлекательной игре.

— Я тоже первым делом их вспомнила. Правда, проклятиями.

— Как твой муж?

— О, Раид ничего не знает. — Она отвернулась, глядя в темноту. — Если ты о том, что будет... Не знаю. Ничего хорошего.

Помолчали. Откуда-то из глубин парка, из-за здания палаты, послышался пьяный смех.

— Я привезла его с собой, — наконец заговорила сестра. — Наутро сказала мужу, что неплохо укрепить знакомство с Маузом и что мы погостим денек-другой. Ты.. мог бы его посмотреть?

— Конечно, пойдем!

— Он здесь. Спит. Я попросила у слуг снотворного, чтобы ты мог спокойно осмотреть... Боги, как я все это ненавижу!

— Ну-ну, не плачь..

Аджит обнял ее и держал, пока она не перестала всхлипывать. Впрочем, сестра пришла в себя довольно быстро.

— Пойдем.

Сахир спал на подушках, укрытый двумя покрывалами. В лунном свете его лицо казалось совсем белым, как храмовые изваяния. Мальчик выпростал из-под одеяла руку: казалось, он куда-то тянется, даже во сне.

Чародей присел рядом и взял детскую ладонь в свои.

Сах не кипел силой, как другие дети, в которых просыпалась магия, но стоило копнуть поглубже... сомнений не было. Судя по всему, после недавнего всплеска он еще не полностью восстановился.

— Да, он маг, — просто подтвердил Аджит. — Интересно, что я раньше не почувствовал.

— После происшествия няньки сказали, что он и раньше играл с огнем. Большею частью, одежда. То дыры, то горелые пятна. Больше полугода, они не помнят точно.

— Силы было мало, и она сразу выплескивалась, — заключил чародей.

— Я тоже так подумала.

Помолчав мгновение, Илайя выругалась.

— Послушай, но Раид — любящий отец! — Он поднял взгляд и увидел на лице сестры гримасу.

— Любящий отец вырос в религиозной семье. В имении вечно ошивались жрецы, храм Уси́ра у Весенних ворот построили на их золото. Как преставились родители, стало проще, а лет пять назад мы жили по божеским законам. Иногда... иногда это даже хорошо. Это делает его проще, не как большинство вельмож. А иногда... это ужасно!

— Но это же его сын. Его кровь, — пылко убеждал Аджит. — Раид не сделает ничего дурного! Я тоже живу в Круге, там по-своему хорошо. Спокойно.

— Это покроет нас позором. «Род аби-Кадиров восходит ко времени пяти князей, еще до Завоевания», — Илайя выплюнула цитату из родословной, как ругательство. — Да и не в бесчестье дело...

Она начала ходить кругами, словно пленник в невидимой клетке, с каждым шагом припечатывая новые обвинения.

— Нет, честь рода ему и в голову не придет! Он слишком чист и милосерден. Не ровен час, замажется.. Он будет думать о благе сына и его душе. Отправит Саха в храм замаливать проклятие. Мальчик будет жить.. почти обычной жизнью. Пост, покаяние и пустая келья. Замечательно, да?

Гравий скрипел под ее ногами, словно вторя ее словам, и Аджит подумал, так ли его покой в обители отличается от кельи.

— Послушай, — сестра вдруг остановилась. — Жрецы могут лишать магов Дара? Ну.. как будто лечение или вроде того. Может, и Саха можно сделать обычным смертным?

— Беса с два он станет обычным, — досадливо ответил Аджит. — Поверь, мы в Круге об этом знаем больше любого жреца. Да, после такого маги не могут колдовать. Вообще ничего не могут, только тарашиться в пустоту и пускать слюни. Мы используем это как казнь: для чародеев, преступивших закон.

— А если скрыть? Раид ведь может.. не догадаться?

— У нас с тобой много получилось?

Аджит устало вздохнул, подбирая слова.

— Ты не думала, откуда появился Круг? Почему он был задолго до узурпатора? Если ее не подчинить, сила начнет выплескиваться. Когда тебе хорошо, когда испугана, злишься — всегда во время сильных чувств. Нас учат управлять Даром. Если оставить Саха так.. Ну, хорошо, если дом сгорит, а он выживет.

— Как вы раньше жили, до Круга?

— Как-то жили. Потому и считают, что мы противны богам. Маги опасны.. Это так, если коротко, — чародей невольно усмехнулся.

Гравий заскрипел снова. Чародей молчал, не зная, что сказать.

— Что нам делать? — наконец спросила сестра.

— Для начала отнести мальчика в дом, здесь прохладно.

— Я имею в виду..

Аджит поднял племянника и покряхтел, устраивая поудобнее.

— Ох. Я знаю, что ты имеешь в виду. Дай мне подумать, хорошо? Всего неделю. Я что-нибудь придумаю. Обещаю!

— А за неделю ничего не случится?

— Не должно. Пока он растратил всю силу: пару недель Сах будет вялым, как после болезни. Потом да, сила вернется. Через луну или две.

Они умолкли, чтобы разговор не разносился по коридорам спящего особняка. Впрочем, спали не все: из крыла, где обитал советник, доносилась музыка.

— Что ты сказала Маузу? — спросил Аджит, когда они добрались до комнат сестры. Их обставили почти так же, как покои советника: шелковые занавеси скрывали стенные ниши, мебель была из дорогого черного дерева, а на масло для светильников, наверное, ушло состояние.

— Немного... Нам сюда, у Саха отдельная комнатка. Немного, — повторила она, когда маг опустил ребенка на кровать и укрыл его. — Что я скрываю тебя от мужа. Что не желаю тебя видеть, вот что. А о сыне ничего не говорила, только что он заболел. Еще — ты мне понадобился как целитель.

Аджит один за другим задувал светильники в комнате племянника.

— Плохо. Он может догадаться. И старик будет недоволен. Их... пониманию — едва ли пара лун.

— Старик?

— Верховный маг. Мне пора возвращаться: не хочу встречаться с советником. Ложись-ка ты тоже спать.

— Думаешь, я смогу уснуть? — Илайя потянулась за кувшином вина, но чародей мягко отобрал у нее чашу и убрал за спину.

— Положись на меня. Не хочу только, чтобы ты рухнула, где стоишь.

Сестра наконец-то улыбнулась.

— А я потом опять ничего не вспомню? Великая Матерь, Адж, ты опасный человек!

Чародей хотел было найти шутку в ответ, но так и не смог.

«Боги-боги... что же я делаю?»

Не то чтобы Аджит не знал ответа — просто гнал его, как гонят назойливого москита. Беда в том, что голос совести был настырнее и куда громче. Вдобавок ко всему чародей устал от безделья, солнце, хоть и осеннее, начало припекать, а настоящая мошкара лезла в лицо и под одежду.

«Что, если я ошибся? Если они не едут сюда, а наоборот удаляются? Сколько ждать прежде, чем отправиться на поиски?»

Неизвестно, сколько вопросов скопилось бы в голове мага, если б не охотничьи рожки. Звук отразился от песчаных скал, поплутал по роще и скатился к морю. Следом эхо принесло и отголоски собачьего лая.

«Думать будешь потом», — сказал себе чародей, пробираясь сквозь заросли и оглядывая кусты в поисках тропы. С тропой было туго. И он, и охотники оставили Прибрежный тракт с утра — какая охота вблизи от людных селений? Однако вельможи путешествовали верхом, и маг смирился, что если не хочет попадаться на глаза, мало-мальски приличные тропы нужно оставить им. Сверху наблюдать было даже удобнее.

Но как бы не упустить благородное сборище, заплутав!

Аджит прислушался к ощущениям. Он вырос и прожил в городе почти тридцать лет, маг не привык к просторам, и все же слышал людей буквально на краю слышимости. Если так можно сказать о колдовском чутье.

Южный лес словно насмеялся над ним. Раскинувшись на высоких обрывистых холмах, растянувшись вдоль берега на четыре схи́на, он был единственным клочком дикой природы в окрестностях столицы. Неровный рельеф помешал распашать, вырубить и застроить его столетия назад — и с тем же несносным характером он подсовывал на пути мага овраги и заросшие кустарником буреломы.

«Если так будет продолжаться, природа потеряет очарование, — подумал маг, оставив клоч одежды на ветвях терновника. — Надо запомнить: замышлять что-то исключительно в городе, желательно в кварталах богачей».

Лес, впрочем, сжалился над Аджитом, выпустил его на вершину поросшего кустами склона. Отсюда он намеревался следовать за охотниками до привала. Рожки звучали совсем близко, а лай не смолкал ни на секунду. Теперь к ним прибавился еще и стук копыт. Удивительно, как они не распугали дичь таким-то гамом?

Задумываться об этом было некогда — процессия вынырнула из-за скалы, звеня оружием и сбруей, переговариваясь и смеясь. Настоящие вельможи: даже в охотничьих костюмах пестро одетая компания напоминала придворный раут.

Аджит отступил под сень кедр ниже по склону. Настало время иллюзий — благо запрещенные чары здесь слышать некому. Пока судьба была к нему благосклонна, но маг не обманывался: в плане, наспех слеппенном за пару дней, найдутся слабые звенья. У строптивицы будет много поводов оставить его в дураках.

Именно о судьбе он думал, когда услышал об охоте.

Это было наутро после разговора с сестрой, бессонной ночи и тысячи проклятий, которые он обрушил на богов. Судьба явилась в разговорах в трапезной обители, а также в требовании целителя, пришедшем в тот же день. На сей раз Дар Аджита понадобился землевладельцу в загородном имении к югу от города. На самой опушке леса.

За последние дни он провел такую грандиозную работу, что бесы, совращающие души праведников, задохнулись бы от зависти. Он знал об этой компании все. Кто входил в нее. Охотничьи привычки Раида. Маршрут. Скольких трудов ему стоило вырваться из обители не только ради этого дня, но и чтобы заранее обшарить тропы, едва не обнюхать каждый куст!..

Солнце перевалило за полдень, когда охотники наконец устроились на привал. Десять достойных: придворные юнцы, Раид среди них был самым старшим. Каждый имел при себе слугу, один из них выполнял обязанности псаля. По кругу пошла фляжка. «Вино? Было бы неплохо!» Но слишком уповать не стоило, речь шла о крупной дичи. Запахло костром.

Магу оставалось лишь глотать слюнки. Ожидая, когда группа двинется дальше, Аджит отыскал взглядом зятя и стал наблюдать.

Несколько лет назад маг поинтересовался, как Илайю уговарило связаться с ревнителем.

— Рай вовсе не фанатик, — отрезала сестра. — И.. у его воспитания есть достоинства. Он не злится. Не горд. Работает много, принимает слабости других. Нетребователен, но заботлив. В общем, ты увидишь. Он очень сильный человек.

— Фанатики вообще сильные люди, — недовольно пожал плечами Аджит. — Убеждения придают сил. Которые у обычных людей уходят на поиск ответов.

— Он. Не. Фанатик, — подчеркивая каждое слово, повторила Илайя.

— Он так добр! Почему ж его милостью магии сидят в тюрьме?

— Ты хочешь знать его мнение? Или мое?

Чародей махнул рукой и бросил:

— Мне все равно.

— Если угодно, жрецы помогают всем. Но они верят, что колдовство меняет мир и искажает волю богов, и маги творят это зло сознательно. Жрецы ждут, что колдун сперва откажется от своей силы, и тогда ему помогут... обрести в душе мир.

— Если от нее что-то останется. Так себе довод, — скрикнул Аджит.

— Как бы там ни было... Я не согласна с ним. Но пока дело не касается семьи, я вижу больше хорошего, чем плохого.

Аджит не знал, по-прежнему ли она так считает, но теперь ему предстояло столкнуться с «сильным человеком» лицом к лицу.

За воспоминаниями время пролетело незаметно, и вот уже слуги начали забрасывать костер. Чародей мгновенно собрался, когда один из охотников пошел к лошадям. Теперь действовать предстояло быстро: сейчас они оседлают коней и рассыплются по лесу для загона дичи. Именно тогда Раида нужно отделить от остальных.

Слуги, кроме псаря, остались присматривать за лагерем, Аджит больше не обращал на них внимания. Его взгляд был прикован к рослой фигуре в охотничьей куртке, верхом на гнедом жеребце.

Маг начал карабкаться по осыпающемуся склону, чтобы не потерять Раида из виду. Легче сказать, чем сделать! Каким-то образом кустарники цеплялись корнями за скат, а из-под его ног земля словно уползала. Краем уха Аджит услышал лай, это гончих спустили с поводка.

Исцарапав в кровь руки и обзаведясь ссадиной от хлестнувшей по лицу ветки, маг все же взобрался на склон и увидел, что охотники растянулись цепью, насколько позволяла местность, — и теперь удаляются.

Подождать пока разъедутся еще дальше? Так недолго и потерять их. Чародей выругался.

Найдя взглядом зятя, он потянулся к сознанию лошади.

Рысца... полный желудок... чистая, наполняющая все радость движения. Аджит стегнул жеребца, точно плетью. Какая-то часть его продолжала наблюдать, он видел, как резко остановился конь, встал на дыбы. «Беги!» — послал сигнал Аджит, и тот припустил во весь опор. «Прочь! Прочь!» — приказывал чародей, подгоняя коня все дальше к берегу.

Оставаться на месте нельзя, иначе ему не догнать всадника. В последний раз подхлестнув лошадь, Аджит скатился с холма и устремился через подлесок.

Ветви пожелтевшего от жары тиса хлестали его по лицу. Камни и сухие сучья бросались под ноги. Спуск. Подъем. Спуск... Еще подъем. Один раз Аджит испугался, что потерял всадника, но увидел вдали в распадке темное пятно. Еще немного — и они скроются из виду!

Прыжок. Аджит словно вытянул руку, коснулся кривого дерева на противоположном склоне, разглядел каждую трещинку коры — а затем подтянулся к нему. На миг сознание помутилось, но когда он открыл глаза, увидел кору настоящим зрением.

Чародей бросил взгляд вниз. Жеребец начал успокаиваться, и маг еще раз хлестнул его. Теперь осторожнее. Аджиту

нужно было загнать всадника в определенное место, где тропа огибала утес, зависнув над морем. Мало подстегивать коня, теперь чародею предстояло управлять им.

Жеребец сам не понимал, что с ним творится. Его губы горели от удил, а бока от шпор — но страх гнал его, вопреки воле всадника. По бокам от тропы сгущались тени. Обезумев от ужаса, конь шарахался прочь, не осознавая, что его ведут. Войдя в сознание животного, Аджит и сам разделил с ним часть боли.

Наконец он толкнул жертву в овраг, который выведет их к нужному месту, и вернулся в себя, тяжело хватая ртом воздух. Прислонился лбом к стволу ближайшего дерева и сполз наземь. Бока саднили. Уголки губ драло так, будто он прикусил раскаленное железо. Вдобавок он сильно прикусил язык.

Сплюнув кровь и выругавшись, Аджит с трудом поднялся на ноги. Нужный ему утес напоминал фаллос, маг без труда нашел его среди поросших соснами скал. Попытался сосредоточиться для прыжка — и понял, что власть над обезумевшим животным отняла слишком много сил.

«Ну же, глупец, ты слишком далеко зашел!»

Он сосредоточился на зарослях кустарника, к которым хотел перенестись, но зрение мутилось, куст представлялся не то чудищем, не то кляксой цветных чернил. Что же, придется так. Рывок... острые камешки оцарапали его колени, и маг ткнулся носом в листву.

Раид был там, внизу.

То ли он утихомирил жеребца, то ли конь попросту выдохся, но вельможа уже спешил и теперь вытирал взмыленные бока клоком травы. Прямо за ним виднелось море: такое чистое и огромное, что взгляд терялся в синеве. Где-то там, на закате, лежали земли, где магов не преследовали. Слишком далеко. Мир Аджита заканчивался раньше: в размытой линии, где волны переходили в выбеленное жарой небо.

Вдохнув и выдохнув, Аджит ступил в пустоту и медленно опустился на тропу внизу.

— Здравствуй, Раид, — просто сказал он.

Нужно отдать должное — вельможа почти не вздрогнул. Он обернулся медленно и спокойно, даже не схватился за оружие. На открытом лице — настороженность, но и доброжелательность. Темноволосый, темнобородый... Сахир станет таким же, когда вырастет.

— Кто ты? — спросил придворный. — Откуда знаешь мое имя?

— У нас мало времени, поэтому не обессудь, начну без предисловий. Я брат твоей жены.

— Ты шутишь, — Раид улыбнулся, но маг верил его улыбке не больше, чем своей. К тому же чародею показалось, что в рукаве вельможа прячет нож.

Вряд ли стоило его винить. Длинный, худой и нескладный, с непослушными, вечно всклокоченными волосами, а теперь еще грязный и исцарапанный, Аджит и верно походил на безумца. Нервным жестом пригладив волосы, маг рассудительно сказал:

— Я бы не затевал эту кутерьму, чтобы подшутить. И не гадай, как поудобней перехватить нож, до меня ты не дотянешься.

Улыбка сползла с лица зятя, когда воздух заколебался и сгустился, составив плотный щит, разгородивший тропу меж ними надвое.

— Ты колдун!

Аджит вздохнул.

— Начнем сначала. Я брат твоей жены, и да, я маг. У Илайи родинка на правом бедре, с внутренней стороны, и еще одна на боку, под мышкой. Она родилась в доме Замира Рахада, торговца тканями, любит фиалки и терпеть не может имбирь. Этого достаточно, чтобы ты поверил?

Раид молчал. Словно понимая, что его мучитель рядом, конь беспокойно переступал с ноги на ногу.

— Прекрасно. Я подготовил все, чтобы поговорить о Сахире. Видишь ли, он тоже маг и он мой племянник, так что я беспокоюсь.

— Ты лжешь, — выдохнул Раид. Потом рассмеялся. — Сах? Колдун? Ты сумасшедший!

Аджит улыбнулся.

— Мы можем начать еще раз, время есть. Мне незачем было...

— Чего ты хочешь? Уступок? Чтобы я что-то сказал о... твоих дружках под следствием? Чьего-то освобождения?.. Ну? Отвечай же!

Чародей дал ему выговориться и продолжил:

— Как я сказал, меня волнует только племянник. Несколько дней назад Илайя заметила те знаки пробуждения Дара, что были у меня. Пока она гостила у советника, я осмотрел мальчика и могу подтвердить: в нем спит Дар. Я не знаю, за что боги прокляли его родиться в наши дни. Илайя не верит, что ты отправишь Саха в Круг: она говорит, ты скорее сделаешь его слабоумным, лишь бы не опорочить род.

— Ты не получишь Саха, если ты об этом толкуешь.

Проклятье! Маг часами продумывал разговор, но, как обычно бывает, слово за слово тот свернул не туда.

— Я не требую твоего сына. Я здесь, чтобы убедиться, что с мальчиком все будет хорошо. Что ты не тронешь его, не отправишь жрецам. Ты можешь выбрать любую обитель, в любом из городов Царства. Если его не обучить управлять Даром, сила убьет Саха.

— Так вот как прирастает ваш род? Отбираете детей у родителей? Хочешь, чтобы я отдал сына, чтобы вы сделали из него себе подобного?

— Магом не становятся, магом рождаются, — как можно спокойнее произнес Аджит. — Твой сын родился им, хочешь ты или нет. Речь о том, как ты это воспримешь.

В руке зятя все же показался кинжал.

— Уйти, отродье! Я не заключаю сделок с колдунами. И не намерен говорить с тобой. Уж ты-то должен знать.

— Хорошо, давай зайдем с другой стороны. Я боюсь за племянника так же, как ты за сына. Из-за тебя и других ревнителй у меня никого нет. Я не допущу, чтобы с Сахом

что-то случилось! Все приготовлено. Если мы не договоримся, я просто столкну тебя вниз. Давай, посмотри через край: там только камни и волны... Все подумают, что лошадь понесла и сбросила вас обоих. Единственная надежда уйти отсюда — заверить меня, что с мальчиком все будет хорошо. Видят боги, ради Лай я не хочу это делать!

— Уходи!

Раид начал наступать, и маг, не желая ввязываться в драку и еще надеясь убедить его, сделал шаг назад.

— Вельможный дурень! Ты слышишь, что я говорю?

Однако придворный прыгнул. Не будь Аджит магом, предплечье зятя ударило бы его в горло, а вторая рука вогнула бы в живот нож. Однако щит по-прежнему висел меж ними, Раид наткнулся на преграду и отскочил назад.

— Мы давили вас десять лет. Но, видно, были слишком милосердны...

Что уж там было в его глазах? Гнев? Ненависть? Отвращение? Аджит не знал, да и не хотел всматриваться.

— Тогда отправляйся в пекло, — проговорил маг и толкнул стену силы перед собой.

Чародей не сказал бы, сколько времени прошло. Должно быть, мгновения — хотя для него они растянулись на добрый звон. Подойдя к краю обрыва, он заглянул вниз. Конь придворного подергивал ногами и стонал. Раид лежал, раскинув руки, с разможенной от удара головой. Ненасытные губы волн раз за разом касались окровавленного камня, точно дорвавшись до пиршества, но не решаясь приступить.

Маг отвернулся и быстро пошел прочь. Ему еще нужно было убираться из леса.

Теперь ему не от кого было скрываться, Аджит подошел к воротам и замер, не донеся руку до дверного молотка. В знак траура его обвязали черным платком. Из-за стены маг не видел самого здания, лишь красную мозаику вдоль плоской крыши — но не сомневался, что окна закрыты, а внутри царят тишь и скорбь.

Обругав себя за малодушие, маг постучал.

Он насчитал дюжину ударов сердца, пока в воротах не открылось решетчатое окошко, показалась седая борода привратника. Видимо, облик Аджита удовлетворил слугу: тот соизволил не послать мага прочь, а заговорить.

— Кто бы ты ни был, в этом доме траур. Если хочешь принести соболезнования, подожди несколько дней. Госпоже сейчас тяжело видеть гостей.

Он уже хотел закрыть окошко, но чародей остановил его:

— Погоди! Скажи госпоже, что это целитель, я лечу ее сына. Траур или нет, мне нужно видеть мальчика. *Ему* это нужно.

— Целитель? В этом доме не рады колдунам.

— Поэтому в первый раз я осматривал его не здесь. По просьбе госпожи. Просто передай ей. Я уйду, если она не захочет меня видеть.

Привратник буркнул нечто похожее на «Жди» и захлопнул окошко.

Чародей ждал. За спиной кричали уличные торговцы, наваливая жареный миндаль и засахаренные фрукты. Ржали лошади, громыхали по брусчатке подводы. Тишина за воротами была такой густой, что впору резать. Наконец вместо окошка в них приоткрылась дверца, и статный старик в длинном одеянии махнул рукой.

С дорожек сада второй день не сметали листьев, их шаги сопровождалась неумолчным шорохом. Кипарисы печально клонились на ветру, тamarиск перебирал ветвями, точно всплескивая руками в отчаянии.

— Госпожа примет тебя в своем покое, — говорил привратник. — Во время скорби мы не разжигаем печей и питаемся дарами земли. Увы, нам нечем угостить тебя.

— Я пришел не за этим, — пожал плечами Аджит. — И тоже чту традиции.

Все окна в доме были завешены черной парусиной, внутри было тихо, пусто и полутемно. Маг следовал за стариком, не показывая, что знает дорогу.

Илайя сидела у окна, еще более хрупкая и бледная, чем обычно.

— Лай? — неуверенно позвал он. — Лай? Ты слышишь?

— Горе не сделало меня ни слепой, ни глухой, — бесцветным голосом откликнулась сестра. — Сахиру в самом деле нужна помощь?

— И да, и нет. — Аджит присел перед ней на корточки. Нервно пригладил волосы. — Я пришел, как только узнал. Решил, что могу понадобится. А Сах... ну, его неплохо бы осмотреть, нужно понять, как быстро растет его сила. Но не обязательно сегодня.

— Где-то там было кресло, — Илайя махнула рукой в полумрак. — Сядь. Не могу видеть, как ты смотришь снизу вверх.

Чародей выполнил ее просьбу, подтащив сиденье к окну, но молчание затягивалось. Чтобы нарушить тягостную тишину, маг произнес:

— Мне очень жаль. Я убеждал старика, чтобы тот забрал Саха силой. Часть меня рада, что все так сложилось, но честно... мне жаль. Я знаю, что ты его любила.

Сестра усмехнулась своим мыслям, но не ответила.

— Я не большой знаток, что делать в таких случаях, — заговорил вновь Аджит. — У нас в Круге... редко встретишь большую близость, чем давние друзья. Я не сталкивался с горем. Но знаю, что ты должна заняться делом. Нельзя просто так сидеть! Я помогу всем, чем смогу. Все что угодно! Увы, мои чародейские мозги не придумали ничего умнее... присутствия.

Похоже, он заинтересовал сестру, потому что она, наконец, подняла голову.

— У вас что, нет семей? А Джамила?

Мягкие руки чародейки, и все ее ласки, и тихий смех... Внезапно маг понял, что ведь ему отчаянно повезло.

— О, нам никто не запрещает, если ты об этом! — поспешил он заверить ее. — Просто нас мало. Непросто подобрать пару. В таком-то замкнутом пространстве.

Любовников много: мужчин и женщин примерно поровну. Но редко кто затягивает дольше пары лет. Я... был бы счастлив, но боюсь загадывать.

За окном прошли двое слуг, несмотря на траур, они с упованием судачили о завтрашнем базарном дне. Две тени скользнули по занавесям, напряжение стало таким осязаемым, что покалывало кожу.

— Ты, наверное, хочешь знать, о чем я думаю? — нарушила молчание Илайя. — На самом деле ни о чем. Да, я горюю, но знаю, что со мной остался бы или муж, или сын. Я просто сижу, проклиная богов, себя и ни о чем не думаю.

— Тебе нужны люди, а не тишина!

— Траур длится три дня, — сестра пожалала плечами. — Я их заслужила. Послезавтра я снова стану придворной дамой. Пока что... я хочу просто посидеть.

Они и сидели. По правде сказать, Аджит не знал, долго ли. Время стало вязким и липким, минуты тянулись невероятно тяжко. Наконец Илайя перешла к делу:

— Ты хотел осмотреть Саха. Он в своих комнатах. Я стараюсь быть рядом, но он наверняка проснулся, ты будешь к стати.

— Это совсем не обязательно! — Чародей коснулся ее запястья. — Его сила будет восстанавливаться пару лун. Я просто хочу понять, как быстро он крепнет.

— Обязательно, — отрезала сестра. — Я решила не отдавать его в Круг.

— Дыхание Бездны! Лай, ты сошла с ума...

— Ни капельки. Я не могу потерять еще и сына. Мы уедем. У нас куча золота, а в Рассветных королевствах Сах станет обычным человеком. Никому и дела не будет, маг он или нет.

Аджиту потребовалось несколько вздохов, чтобы переварить услышанное. Все это... не сразу укладывалось в голове.

Давным-давно, еще учеником, чародей спросил Верховного — почему маги не соберутся и попросту не уйдут из Царства? Да, они проиграли, но ни узурпатор, ни войско не остановит несколько тысяч чародеев.

Газван фыркнул:

— Куда?

— Да куда угодно! На востоке, на западе... маги живут по-разному, но живут же, да? Все лучше резни.

— Кишки Усира! Вот учу я тебя, учу — а без толку. В Круге полно самовлюбленных олухов, но такое даже я впервые слышу.

Аджит уже понял, что сморозил глупость, но упрямо молчал, ожидая пояснений.

— Ну хорошо, — вздохнул Газван. — Мы соберемся вместе, положим сотни собратьев... Вырвемся. А дальше-то? Через год родится еще пять сотен магов. Мы их красть будем? Или бросим, пускай их топят, как котят?

То был глупый вопрос, им никуда не сбежать от самих себя. Но у двоих достойных может получиться. И пока никто не знает, что Сах маг...

— Ты права, — наконец нашел, что ответить Аджит. — В действительности дело будет. В Рассветных королевствах мало чародеев, там ценят Дар, но... он ведь будет чужаком! Вы оба будете. Здесь у вас есть дом, положение. Там вы никому не нужны...

— Деньги нужны всем.

— Сах не будет говорить на языке Царства. Там все чужое! Боги, сестричка, я никогда не думал, что «моя земля» что-то значит! Ты серьезно?

— Совершенно.

— А как же... традиции? Родословная? Ты же... не лишишь Саха друзей, положения... вот так?

— Если твоя земля тебя ненавидит, не грех ее и потерять. — Сестра смерила его странным взглядом. — Что до родословной, в Круге Сах лишится всего. И ты подумал обо мне? Я смогу жить в Раидовом имении, но после смерти оно уйдет владыке. Так не лучше продать его казне, получить чистое, звонкое золото и уехать? Сейчас, пока никто не знает?

Ответить на это было нечего. Каждым словом Илайя говорила правду — и каждое слово резало, как нож лекаря.

— Я... я надеюсь, ты передумаешь.

— И зря. Ты плохо знаешь свою сестру, — помолчав мгновение и качнув головой, она выдохнула: — Иди. Ты нужен мальчику. И потом... не знаю, когда вы теперь увидите. Я постараюсь забрать тебя, но нужно время.

Помня, что с сестрой в таком состоянии лучше не спорить, Аджит поднялся. Он был уже у дверей, когда Илайя его окликнула:

— Адж... ты хотя бы поговорил с ним?

Глупо было отпираться и прятаться за новой ложью. Обернувшись, маг признался:

— Я думал над разговором днями, но все пошло не так. Он напал на меня. Это моя вина, я не нашел слов.

— Ты и не смог бы, — ответила Илайя. — И никто бы не смог. Иди. Сах будет рад тебя видеть.

И он ушел.

